

Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле

В 2007 г., при поддержке Управления делами Президента РФ и ФСО России, на Подоле Кремлевского холма были организованы масштабные археологические раскопки, общая площадь которых составила 693 м². Археологические исследования были проведены в рамках совместного проекта Музеев Московского Кремля и Института археологии РАН по Открытым листам по форме № 4, выданным на имя Т. Д. Пановой (№ 271), В. Ю. Коваля (№ 270).

В заполнении культурных напластований повышенной влажности, мощность которых колебалась в пределах от трех до десяти метров, удалось зафиксировать более сотни впускных и наземных построек, собрать обширную коллекцию индивидуальных находок, насчитывающих 2280 экземпляров.

Материал, полученный в ходе раскопок, дал возможность получить информацию о начальном этапе заселения этой части Московского Кремля, составить представление о планировке и застройке участка, определить социальный статус проживавшего здесь населения.

Главной археологической сенсацией полевого сезона лета 2007 г. стала берестяная грамота № 3, написанная чернилами по бересте (индивидуальная находка № 1461). Грамота была обнаружена в заполнении постройки № 117а, представлявшей собой ориентированный ССВ–ЮЮЗ прямоугольный в плане сруб размерами не менее 2,4 × 4 м, впущенный в яму размерами 3,3 × 4 м и глубиной не менее 1,5 м. Стены, рубленные «в обло» (чашка снизу) из бревен диаметром 20–25 см, несут на себе следы пожара.

Компактно лежавшие обрывки берестяной грамоты были зафиксированы в заполнении постройки, датированной археологами рубежом XIV–XV вв. на глубине 665 см. Находка представляет собой документ из 52 строк, насчитывающий около 370 слов, что вдвое превышает объем самой большой из известных ранее берестяных грамот.

Для написания грамоты был использован берестяной лист шириной в 19 и длиной в 31 см. Направление волокон — вдоль длинной стороны листа. При этом строки расположены поперек волокон, параллельно оси свертывания берестяного свитка, что характерно для Москвы (так же написаны и грамоты № 1 и 2), в отличие от Новгорода, где на бересте писали вдоль волокон.

Грамота была в древности разорвана вдоль волокон на пять относительно крупных полос и несколько совсем мелких. Тем самым на каждой полосе имеется всего по несколько букв от каждой строки первоначального текста. Но в настоящее время удалось составить друг с другом все полосы, и в результате сохранена практически вся исписанная поверхность. Это значит, что археологи сумели найти все части первоначального документа.

В отличие от подавляющего большинства берестяных грамот, грамота № 3 написана чернилами. Чернила в большей части мест сохранились достаточно хорошо. Но в части мест они все же расплылись или выцвели, и тогда чтение весьма затруднено. Существенную дополнительную трудность составляет то обстоятельство, что грамота была перегнута пополам, и чернила верхней и нижней половин частично отпечатались друг на друге. В результате в каждой точке необходимо отличать собственный текст данного места от наложившегося «чужого» текста (с буквами, перевернутыми кверху ногами), который по яркости во многих случаях не уступает собственному тексту.

Основной текст грамоты составляет сорок две строки.

Остальные 12 строк грамоты, находящиеся ниже основного текста, перевернуты на 180° по отношению к основному тексту. Они представляют собой приписку.

На настоящем этапе исследования, до полной реставрации грамоты, прочесть весь текст целиком еще невозможно. Это касается в первую очередь приписки. Основной текст грамоты восстанавливается (с учетом конъектур) почти полностью.

Ниже показано нынешнее состояние чтения грамоты. Конъектуры и буквы, опущенные на письме в соответствии с обычными для данной эпохи графическими условностями, даны в круглых скобках. Текст подразделен на абзацы по смыслу. Границы строк показаны знаком |. Пунктуация и заглавные буквы даны по современным правилам:

«А се кони Турабинеѡвѣ.

А от ѡздовны|хъ — же^{PC}бець, 2 конь саврасы, лошачька | 2 — сивъ, коуро. Лошаче^K гнѣ^A да - - - - -
- - - лошаче^K | кооуръ да другои с(и)въ ост(а?)вле^A
Турабинеѡвѣ | женѣ.

1–2 Берестяная грамота.
XIV–XV вв. Из раскопок
в Московском Кремле 2007.
Чернильный текст.
Лицевая и оборотная стороны

А (с)традны^х лошади двою, а трою жерабьтъ лоньски^х, да кобы^а страдны^х | же б, да к(о)былка лоньскаа.

А всѣ^х ѣздо|вны^х деватер(о), а страдны^х двою натцатеро. |

Двѣ коровы н(а) дворѣ, 2 вола; а б коро^в, ѣго | же страдни^к(и) ѣдятъ моло^к(о); 3 боро^в(ы) в саду, ие^т | оутича 15.

А на погребѣ коте^а пивной | желѣзе^н, да горнець желѣзен же, да вѣде^рце мѣдано, да коте^а мѣданъ вѣдра въ два, да сканецъ жестань; а стоговъ 12 | и стогъ.

Вѣль^но же Турабьевѣ че^е(и)с людми ѣсти.

А лю^к(е)и | Турабьевы^х молоды^х: Оникѣио, Молча^н, Игна^ко, | Мос(ѣ)и, Баирамъ, Ахмед^с, Онташъ, Жалоръ, Юска. А страдни^ковъ 15: Созонко, Мосѣи Лухов(ѣ), Ортеми^к, Ивака, | Черме^н, Родивонко, Иванецъ, Акковъко, да четы^{ре} паропки, д(а) ключни^к. А оу тѣ^х ѣго людеи четве^{ро} натцатеро конь, а при со^х Турабьевы^х; а коровъ 9.

А в дѣлѣ на люде^х серебра: оу Григорь^еца по^ти^н(а); оу Остафь^еца по^ти^н(а); оу Бѣлка по^ти^н(а); | оу Семенца по^ти^н(а); оу Сидора по^ти^н(а); оу Мосѣи^ца по^ти^н(а); оу Осѣица по^ти^н(а); оу Курьана по^ти^н(а). | А всего серебра на люде^х Турабьева в дѣлѣ | 4 ру^б(ли).

А коню^х сказывае(т)ъ суждальски^е лоша^н(и): кобы^а(а) бура да ворона да пѣга да | рыжа, тѣ четыре стр^адны^е: три же ихъ | жеребать.

А жереб(ч)ики лоньски^е | — (в)оро^н да рыж(д)а ча^а да сивъ да гнѣ^на бѣлоногъ. |

(Д)а кобылки лоньски^е — (са)враса бѣлонога, | (г)нѣда бѣлонога ^ж(е), да гнѣ^на да голуба да му^л(х)орта кобылка. А страд(ны)е — кара с жереб(ч)и(т)емъ, да вор(он)ыхъ кобы^а двѣ, да сива, да ворона же кобыла. Да жеребчикъ гнѣдъ бѣлоногъ, да стара кобыла бу(р)а, да жеребчикъ | четв(е)рта^к воро^н.

А всѣ^х л(о)шачко^в и кобы^а | (и) жеребать отда^а (ѣс)м(ѣ)к)ощѣю посельскаго чело^{вѣ}(ч)у дватцат(е)ро и шестеро.

А | се да^а передъ Юлбугою, п(е)ред ыгумно^м | Федоро^м перед Ылиин(ѣ)ски^м, пер(е)д (Кл)имо^м, перед Петро^м перед Гу(р)ьевы^м.

Приписка (с поворотом на 180°):

А азъ вз^а лошачка 2 сивы д(а)ры^ж | да гнѣ^на да воро^н, да жеребчи^к ло(ньс)коие | рыжъ, звѣздк(а) в че^л(ѣ) - - - - - | за-аромъ. А конюховъ ѣсм(и) вс)проси^а | перед Олексѣ(м)ъ, перед Оньдрѣ(ѣ)мъ.

Что | из стада лоша^н(е)и(е) погигл~Оньдр(ѣ)во, все (т)о | имали оспода 100. А ѣда по^чне - - - - - | передъ Юлбугою, перед - - - - - . |

А что азъ отда^а - - - - - | - - - - - ною пошло бо и двою лоша^н(е)и; а за мене дашь | 30-ро и двою. Ис(т)орою мо(н)ю по(ш)ла 9 лошадей | к тобѣ; и пошло за (и)ныне. Помора (з)а осподои^н.

Пояснения к тексту:

страдныя лошади — рабочие лошади;

лоньской — прошлогодний;

страдникъ — работник;

б (= шестеро) коровъ, его же страдники ѣдятъ молоко — шесть коров, от которых молоко идет работникам;

3 боровы в саду и оутича 15 — три борова в садке (для откорма) и уток (буквально: утино поголовья) 15;

горнець — горшок;

сканецъ (досканецъ) — ящичек, ларецъ;

при со^х — по-видимому, сокращенно записанное: при сохахъ;

жеребчикъ четвертакъ — четырехлетний жеребецъ;

посельскый — управляющий в боярской или монастырской вотчине;

истора — убыток, трата;

помора — мор, падѣж.

Грамота написана двумя почерками. Первым почерком написаны первые две с половиной строки, вторым (основным) — все остальное. Типологически оба почерка представляют собой старший полуустав. Палеографический анализ, если использовать шкалу, разработанную на материале новгородских берестяных грамот, позволяет отнести документ к концу XIV — началу XV в. При этом первый почерк немного старше второго: его носитель, вероятно, был лет на 20 старше.

Графика грамоты — книжная позднерусская. В основном почерке она образцовая, в почерке начальных двух с половиной строк есть единственное отступление в сторону бытовой графики: написано «о» вместо «ѡ» в «коуро».

Язык грамоты в целом хорошо соответствует древнерусским наддиалектным нормам второй половины XIV — начала XV в. Никаких диалектных особенностей, характерных для новгородских берестяных грамот, нет. Имеется, напротив, диалектная черта, отсутствующая в Новгороде, но известная из московских документов XIV в. (начиная с завещания Ивана Калиты 1330-х гг.) — использование формы множественного числа в сочетании с числительным «два» у существительных (двѣ коровы) и прилагательных (два коня саврасы, лошачка два сивы).

Вполне соответствуют характеристикам московских документов данной эпохи также такие явления, как регулярное «ки» из древнего «кы» (кобылки лоньски^е и т.п.), переход «и» в «ы» в «п(е)ред ыгумно^м», «перед Ылиин(ѣ)ски^м», окончание «ои» в «за осподои».

С лексической точки зрения грамота интересна, в частности, тем, что демонстрирует богатую и дифференцированную древнерусскую терминологию коневодства. Так, мы видим здесь термины: конь, лошадь, жеребецъ, жеребчикъ, лошачекъ, четвертакъ, кобыла, кобылка, жеребятя.

Великолепно представлены лошадиные масти: саврасъ, сивъ, коуръ, гнѣдъ, буръ, воронъ, рыжъ, чаль, бѣлоногъ, голубъ, мухортъ, карь.

Представляют интерес для истории языка также числительные с суффиксом -еро, который здесь используется много активнее, чем в других говорах и в современном языке: двою натцатеро, четверо натцатеро, дватцатеро и шестеро, 30-ро.

По содержанию грамота представляет собой перечень имущества некоего Турабея, составленный, вероятно, управляющим его хозяйством. Судя по контексту документа и месту его находки, можно полагать, что Турабей — состоятельный представитель московской знати, выходец из Орды (судя по имени), владеет двором на Подоле Московского Кремля, имеющий также земли под Суздаlem. Автор описи подробно перечисляет зависимых людей, находившихся на службе у Турабея («молодые люди»), и выданное им за службу серебро, зависимых крестьян («страдников»), домашний скот, некоторые предметы обихода, использовавшиеся, вероятно, для приготовления пищи и питья для общих трапез («котел пивной железен», «котел медян ведра в два»). Особо подробно описаны лошади, принадлежавшие Турабею и представлявшие, вероятно, важную часть его имущества. Составитель документа разделяет ездовых лошадей, использовавшихся для верховой езды, и «страдных», использовавшихся для полевых работ. 26 лошадей из суздальского табуна были переданы управляющим некоему Кошею при свидетелях, в числе которых назван Федор, игумен Ильинского монастыря. Многочисленность ездовых лошадей может указывать на военную службу Турабея и его «молодых людей». Это предположение хорошо согласуется с находками на Подоле Кремля предметов вооружения и конского снаряжения.

Поскольку сам Турабей в документе не назван ни разу, можно думать, что опись имущества была составлена вскоре после его смерти. Об этом говорит и упоминание лошадей, «оставленных Турабеевой жене», а также фраза «Вѣльн^но же Турабьевѣ челед(и) с людми ѣсти», фиксирующая распоряжение, явно имеющее временный характер.

Приписка, текст которой восстанавливается пока очень предварительно, имеет вид письма, фиксирующего какие-то дополнительные расчеты, связанные с лошадьми.

Московская берестяная грамота № 3 — первый хозяйственный документ конца XIV — начала XV в. из Московского Кремля, дошедший до нас в оригинале. Она вводит нас в мир повседневной хозяйственной жизни московской знати конца

XIV–XV вв., показывает сложную организацию хозяйства, требовавшую продуманного управления и точного учета имущества, и знакомит с именами людей, населявших Москву в эпоху Дмитрия Ивановича Донского и его сына Василия Дмитриевича. Примечательным образом, заметную часть среди этих имен составляют имена мусульманского мира — тюркского или арабского происхождения. Это, прежде всего, центральный персонаж грамоты Турабей и главный носитель властных полномочий Елбуга. Кроме того, это Байрам, Ахмед и Жалоръ в группе «молодых людей». Присутствие в грамоте восточных имен вполне объяснимо и свидетельствует об «отъезде» выходцев из Орды на службу московским князьям в конце XIV в.

Имена центральных персонажей грамоты — Турабея и Елбуги — дают основание и для некоторых (пока самых предварительных) просопографических сопоставлений. Первое из этих имен далеко не уникально: «Ономастикон» С. Б. Веселовского фиксирует одного Турабея и двух Турабьевых в середине XVI в., а также село Турабьево на р. Клязьме в Московском уезде, упоминаемое в XV в.¹ «Юрьевские Турабьевские села» упоминаются в духовной великой княгини Софьи Витовтовны (1451) и духовной великого князя Василия Васильевича (1461), причем определение их как «юрьевских» (имеется в виду Юрьев Польский) может быть соотнесено с упоминанием в московской грамоте № 3 «суздальских лошадей». Имя Елбуга носил, согласно родословцам XVI в., основатель рода Мячковых, выехавший «из Теврижского государства» к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому и принявший в крещении имя Еремей². Тождествен ли этот Елбуга Елбуге нашего документа — вопрос, нуждающийся в специальном рассмотрении.

В дипломатическом отношении грамота не находит прямых соответствий в русской деловой письменности XIV–XV вв. В отличие от московской берестяной грамоты № 1, убедительно атрибутированной С. З. Черновым как фрагмент официального акта — правой грамоты³, новонайденный документ не подходит ни под одну из известных разновидностей официальных актов, представляя собой, очевидно, образец учетной документации вспомогательного характера. В то же время общая для двух документов ориентация строк, несомненно обусловленная влиянием актового делопроизводства своего времени, утверждает в предположении об особом, отличном от новгородского, генезисе письма на бересте в Московской Руси.

1 Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 325.

2 См.: Родословная книга по трем спискам // Временник Императорского московского общества истории

и древностей российских. М., 1851. Кн. 10: Материалы. С. 199; Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве: К истории Телбугиных и Мячковых в XIV — первой половине XV в. // Древняя Русь: вопросы

медиевистики. 2002, № 3(9). С. 14.
3 Чернов С. З. Московская берестяная грамота № 1 — первый акт Московской Руси на бересте // Российская археология. 1997. № 2. С. 123–149.